

Ален де Бенуа

Карл ШМИТТ

сегодня

«Справедливая война»
терроризм чрезвычайное
положение
«Номос Земли»

akwisk

Современная философская мысль

Ален де Бенуа

Карл Шмитт сегодня

«Торговый дом ИОИ»

2007

де Бенуа А.

Карл Шмитт сегодня / А. де Бенуа — «Торговый дом ИОИ»,
2007 — (Современная философская мысль)

В последние годы мир стремительно меняется. На смену привычным реалиям и угрозам приходят новые: терроризм превращается в глобальный терроризм, война из преступления становится инструментом поддержки демократических процессов, национальный суверенитет больше не является правом – теперь это скорее привилегия, которую дарят или отнимают сильные мира сего. Политическая философия не успевает за тленостями, а наше общество отчаянно нуждается в том, чтобы понять и осмыслить происходящие вокруг нас изменения. В своей книге Ален де Бенуа рассматривает идеи выдающегося мыслителя XX века Карла Шмитта для того, чтобы дать нам инструментарий, необходимый для анализа процессов, происходящих в мировой политике и в обществе.

УДК 101

Содержание

Карл Шмитт для России	6
Введение	10
От «регулярной войны» к возвращению «справедливой войны»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ален де Бенуа Карл Шмитт сегодня

Посвящается Херонимо Молина Кано

Alain de Benoit

Carl Schmitt actuel

Guerre «juste» terrorisme état d'urgence «nomos de la terre»

éditions Krisis

Paris, 2007

© Alain de Benoist, 2007

Перевод с французского – Сергей Денисов

Карл Шмитт для России

Исследования Шмитта растут подобно приливу: сегодня они проводятся повсюду. В момент, когда Карл Шмитт умер, ему было посвящено не более 60 книг. А сегодня их больше 450. В наше время в мире каждый месяц выходит две-три книги о Шмитте. В то же время по миру распространяются его переводы. Полное собрание сочинений Шмитта публикуется сейчас даже в Пекине. А за последние годы один за другим прошло несколько международных коллоквиумов, посвященных его жизни и творчеству, – в Лос-Анджелесе, Бело Горизонте (Бразилия), Бейра-Интеритор (Португалия), Варшаве, Буэнос-Айресе, Флоренции, Кракове, Уберландии (Бразилия) и т. д.

В России работы Шмитта переводятся уже не меньше десяти лет, и особенно большой вклад в это дело внесли Александр Фридрихович Филиппов и Юрий Коринец. В 2000 г. были переведены «Политическая теология» (1922), «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923) и «Римский католицизм и политическая форма» (1923); «Диктатура» (1921) – в 2005 г.; «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (1938) – в 2006 г.; «Теория партизана» (1963) – в 2007 г.; «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил» (1939), «Земля и море» (1942) и «Номос земли» (1950) – в 2008 г. Также на русском языке доступны объемные выдержки из «Понятия политического» (1932). Остается перевести, если говорить об основных произведениях, «Учение о конституции» (1928), «Легальность и легитимность» (1932), а также вторую «Политическую теологию» (1970).

Поэтому не будет преувеличением сказать, что Карл Шмитт вновь стал крайне актуальным. Но как объяснить его актуальность?

Прежде всего, она объясняется не чем иным, как актуальностью, то есть тем, что мысль Шмитта предлагает нам систему анализа и интерпретации, применимость которой снова и снова подтверждается на материале некоторых событий и некоторых тревожных тенденций современного мира. В этом отношении три сюжета привлекли особое внимание исследователей: распространение терроризма, введение законов об исключительном положении, упрощающем борьбу с терроризмом, и, наконец, развитие войны, отражающее это радикальное преобразование международного права.

В своей «Теории партизана» (1963) Шмитт обратился к фигуре нерегулярного бойца, который противопоставляет легальности публичной власти новые формы борьбы, которые в данных обстоятельствах считаются легитимными. Партизанская война, которую когда-то называли «малой войной», не прекращала свое развитие с XIX века, когда в Германии и Испании формировалось народное сопротивление войскам Наполеона. В эпоху деколонизации распространились герильи. Но сегодня эти асимметричные войны стали всеобщим явлением. Главные фигуранты конфликтов, развертывающихся сегодня в мире, – это уже не только государства, но и инфра- или пара-государственные образования, члены которых не носят униформы. И хотя государства всегда обличали партизан, называя их «террористами», сегодня именно террористы продолжают традиции партизан.

Различие между старыми и новыми партизанами связано с глобализацией. Терроризм также детерриториализировался. Карл Шмитт приписывал партизанам «теллурический» характер, который сегодня не обязательно связан с террористами. Последние сегодня зачастую уже не действуют в границах одного-единственного государства. Напротив, «планетарный терроризм» переходит из одной страны в другую: его полем действия стала вся Земля. Но в остальном террорист выказывает все те качества, что закреплялись Шмиттом за партизаном: нерегулярность, сильнейшую политическую ангажированность, обостренное чувство легитимности, радикальным образом противостоящей легальности, рассматриваемой в качестве несправед-

ливости или учрежденного беспорядка. «В случае современного партизана, – писал Шмитт, – обе пары противоположностей (регулярно-нерегулярно, легально-нелегально) большей частью стираются и пересекаются».

«В дьявольском круге террора и антитеррора, – замечал он также, – подавление партизана часто является только отражением самой партизанской борьбы». Столкнувшись с нерегулярностью, государства и в самом деле вынуждены усвоить методы нерегулярной борьбы. Они должны пойти против своих законов, вводя чрезвычайные меры, например те, что были задействованы в США после терактов 11 сентября 2001 года (*Patriot Act*, создание лагеря в Гуантанамо, и т. д.).

Нам, конечно, известно, что в мысли Шмитта фундаментальную роль играет исключительное положение (или чрезвычайная ситуация). Исключительное положение, по Шмитту, является политическим эквивалентом чуда в теологии – внезапным событием, которое нарушает «естественные законы». Шмитт упрекает либеральных конституционалистов и сторонников юридического позитивизма в том, что они считают, будто политическая жизнь страны является вопросом лишь норм и правил, определенных Конституцией, и не понимают, что заранее определенные нормы не могут применяться к исключительному положению, по природе своей непредвиденному. Исключение невозможно предвидеть, как и средства, которые нужно будет использовать в исключительном случае. Только суверенная власть может их применить. Суверен – это тот, кто решает в исключительном положении (и о нем самом). И наоборот, если знаешь, кто принимает решения в исключительном положении, значит уже знаешь, где место суверенности.

Но, вопреки утверждениям, на которые сподобились некоторые авторы, это не означает, что Карл Шмитт является «отцом» исключительных мер, которые в западных странах тяготеют к ограничению публичных свобод и выстраиванию общества всеобщего надзора под предлогом борьбы с терроризмом. Действительно, исключение по определению должно быть исключительным, но сегодня о нем это можно сказать все меньше.

Развитие войны и международного права – другой сюжет размышлений. «Гуманитарные войны» позволяют нам сегодня понять, что войны превращаются в полицейские операции, нарушающие суверенитет государств. Карл Шмитт в точности предугадал то, как постепенно стираются все традиционные различия между тылом и фронтом, бойцами и гражданскими лицами, регулярными войсками и нерегулярными, полицией и армией, внутренними делами и внешними. В конечном счете, в нашу эпоху, когда «горячий мир» пришел на смену «холодной войне», исчезает и сама граница между войной и миром: когда пушки умолкают, война продолжается средствами пропаганды и «переобучения». Таким образом, теряется из виду то, что целью войны является мир.

Работы Карла Шмитта, в частности «Поворот к дискриминационному понятию войны» (1938), позволяют понять то, что «гуманитарные войны», являющиеся дискриминационными, в значительной мере соответствуют возврату к «справедливой войне», как ее понимали средневековые теологи.

Определяя отношения между государствами, старое право народов (*ius publicum europaeum*), которое благодаря Вестфальскому договору положило конец религиозным войнам, трактовало войну в том смысле, что каждый ее участник имел основания отстаивать свое право: *justus hostis* (справедливый, то есть законный враг), а не *justa causa* (справедливое дело). Именно это позволяло удерживать войну в определенных границах, отсюда и значимость *jus in bello* (права на войне). Дискриминационная война, воскрешающая «справедливую войну» Средних Веков, – это война, на которой *jus ad bellum* (право на войну) берет, напротив, верх над *jus in bello*. Враг отныне – не противник, который в других обстоятельствах мог бы быть и союзником. Теперь это абсолютный враг. Представляемый дьяволом, преступником, олицетворением Зла, он воспринимается в качестве врага человеческого рода, с которым нужно не

только сражаться – его необходимо уничтожить. В таком случае против него можно использовать любые средства – экономические санкции, бомбежки мирного населения и т. д., поскольку речь более не о том, чтобы вести с ним мирные переговоры, ведь допускается лишь безоговорочная капитуляция. Шмитт показывает, что идеологические и «гуманитарные» войны современности, дисквалифицирующие врага на моральном основании и не рассматривающие его в качестве противника, с которым воюют, предполагая при этом, что у него могут быть свои резоны, переняли эстафету у религиозных войн. Они отличаются той же безжалостностью и тотальностью.

Желая разработать новую теорию международного права, понимаемую в качестве «конкретного порядка», Шмитт в то же время понимал, что невозможно восстановить старое *jus publicum europaeum*: в небытие ушел сам международный евроцентричный порядок, построенный на чисто государственных основаниях. Именно по этой причине он выступил за «опространствование» политических распрей, поддержав старый принцип «*cujus regio, ejus religio*» («чья земля, того и вера»). Отсюда его теория «*Großraum*» (большого пространства), заявленная уже в 1938 году – затем её будут яростно критиковать идеологи СС, особенно Вернер Бест и Райнхард Хён. Европа, как утверждал он, должна организоваться в виде большого пространства, чей естественный геополитический центр составляет немецкая империя, и выработать нечто равнозначное американской Доктрине Монро, в соответствии с которой США с 1823 года запрещают присутствие любых иностранных военных сил в северо- и южноамериканском пространстве. Шмитт выступал за «плюриверсум», то есть многополярный мир, а не «универсум», мир, объединенный под властью одной-единственной сверхдержавы. И эта альтернатива сегодня тоже как никогда актуальна.

Свою наивысшую форму эти взгляды обрели в великой книге, опубликованной в 1950 году, – в «Номосе земли в прав народов *Jus Publicum Europaeum*», в которой Шмитт задается вопросом о новом мировом порядке, который должен сложиться после распада ялтинской системы, в 1945 году пришедшей на смену вестфальской системе и евроцентричному порядку государств, учрежденному открытием Нового Света.

Однако некоторые авторы полагают, что в работах Шмитта можно найти и другие весьма актуальные наблюдения. Для определенного числа «левых шмиттеанцев», таких как Данило Дзоло, Шанталь Муфф, Гопал Балакришнан и многие другие, главная заслуга Шмитта в демонстрации того, что само понятие «либеральной демократии» является оксюмороном. Карл Шмитт, враждебно относившийся к парламентской либеральной демократии, которую он, подобно Доносо Кортесу, сводит к «вечным прениям», противопоставляет либерализм демократии, чем в определенной степени повторяет жест Руссо, особенно в том, как последний критиковал представительство. «Чем более демократия представительна, – писал он в своем категоричном тоне, – тем менее она демократична» («Духовно-историческое состояние современного парламентаризма», 1923). Представительство, будучи по природе своей олигархическим, в действительности, отчуждает суверенность народа. Шмитт же выступает за демократию плебисцитарного типа, то есть за прямую демократию участия. По его словам, в демократическом обществе решения правителей должны выражать волю управляемых. Именно такое отождествление является отличительным признаком демократии. Голосование (или «одобрение») – не более, чем средство ее проверки. С другой стороны, демократический принцип – это не свобода, а равенство: граждане могут обладать разными способностями, но в качестве граждан они политически равны.

Другие же считают, и не без оснований, что противопоставление Карлом Шмиттом Земли и Моря может помочь в понимании глубинной природы эпохи постмодерна, которую Зигмунд Бауман определил как «жидкую современность». В 1942 году в своей небольшой книге «Земля и море» Шмитт и в самом деле разработал диалектику теллурического и морского, выводы которой весьма многозначительны. Политика предполагает границу, то есть она относится к

Земле. Тогда как Море не знает границ, ему известны потоки и течения. Оно относится к торговле и экономике. Теллурическая логика и морская логика обнаруживаются в геополитике – в секулярных столкновениях океанских держав (вчера это была Великобритания, а сегодня – США) и континентальных (Европа и Россия).

Наконец, важно подчеркнуть, что различие друга и врага, являющееся подлинным лейт-мотивом мысли Шмитта, отсылает не только к возможной угрозе. Оно является тем, что конкретно учреждает политическое существование народа. Народ предполагает наличие содержательной идентичности, разделяемой таким образом, что члены политического сообщества должны ощущать, что в случае необходимости они будут готовы сражаться и умереть за сохранение бытия этого народа. То есть гражданское и политическое сообщество должны совпадать. Начало Конституций покоится не в общественном договоре, а в воле народа, существующего в качестве политического сообщества, желающего выступить учреждающей властью, чтобы определить конкретную форму своего коллективного существования.

Несмотря на критику, которой Карл Шмитт, конечно, продолжает подвергаться, именно по всем этим причинам, которые мы здесь кратко перечислили, он по праву остается тем, кого многие большие умы из самых разных сфер знания считают «последним великим классиком» (слова Бернарда Вильмса), равным Макиавелли, Гоббсу, Локку и Руссо.

Ален де Бенуа

Введение

В последние годы было опубликовано много работ, посвященных реальному или предположительному влиянию американского философа немецкого происхождения Лео Штрауса (1899–1973 гг.) на американские «неоконсервативные» круги¹. Согласно часто озвучиваемому мнению, именно благодаря знакомству с произведениями Штрауса и их чтению большинство неоконсерваторов убедились в превосходстве демократии, которая, с их точки зрения, мало чем отличается от капиталистической системы, в «универсальной» значимости отстаиваемых ими принципов, а также в необходимости их распространения по всему миру – если понадобится, то и силой. Так, Аллен Франшон и Даниэль Верне указывают, что «передаваясь по наследству или через тонкие капилляры влияния [...], философия Штрауса послужила неоконсерватизму теоретическим субстратом»². Предполагается, что мысль Штрауса стала «фоном» для деятельности сторонников Джорджа Буша-младшего. Доказательством этому выступает критика релятивизма, утвердившаяся в его окружении, частое использование им моральной терминологии, упор на «ценности» и т. д.

Считается, что это влияние сказалось – при посредничестве, в частности, таких персон, как Аллен Блум, Харви Мансфилд, Генри Джаффа или Альберт Уолслеттер, – на Поле Д. Вольфовице, Уильяме Кристоле, Роберте Кагане и Дональде Рамсфелде (все они – члены «Project for the New America Century», «Проекта “За новый американский век”»), а также на таких разных людях, как Уильям Беннетт, Элиот Абрамс, Ричард Перл, Майкл Новак, Норман Подгорец, Дик Чейни, Майкл Ледин, Чарльз Краутхаммер, Гэри Шмитт, Залмай Хализад, Аллен Кэйес, Фрэнсис Фукуяма, Джон Эшкрофт, Сэмюэль Хантингтон, Кларенс Томас, Роберт Борк, Леон Касс, Харви Мансфилд, Льюис Либби и т. д. Также указывают на «штраусианские» фонды, например «Lynde» и «Harry Bradley Foundation».

На интеллектуальное родство между Лео Штраусом и основными представителями или сторонниками современного американского правительства иногда ссылались и отдельные неоконсерваторы³.

Но в то же время оно оспаривалось, и не только потому, что Лео Штрауса, конечно, нельзя считать ответственным за политику, проводимую некоторыми из его учеников и читателей, тем более, что в любом случае никто не может сказать, как он сам бы отнесся к сегодняшнему курсу Белого дома, но и потому, что его политическая мысль, по природе своей философская, по многим основным вопросам заметно отличается от неоконсервативной идеологии⁴. Дочь

¹ См., в частности: Shadia B. Drury, *Leo Strauss and the American Right*, St. Martin's Press, New York, 1997 (2 ed.: MacMillan, New York, 1999). Работы того же автора: *Political Ideas of Leo Strauss*, MacMillan, London, 1998; «Leo Strauss et i neocoservatori» // *Iride*, Bologna, XVII, 42, май-август 2004, pp. 291–301; «La sponda Americana: un modello politico? Sterminare il nemico. Leo Strauss e Carl Schmitt» // *Il Ponte*, 2005, 2–3, p. 103–117. Однако лучшим исследованием влияния Штрауса в США остается сборник Кеннет Л. Дойч и Джона А. Мерли: Kenneth L. Deutsch, John A. Merley (ed.), *Leo Strauss, the Straussians, and the American Regime*, Rowman & Littlefield, 1999. Тезис о влиянии Лео Штрауса на неоконсерваторов был также недавно подхвачен Анн Нортон, которая излагает его в более общем и даже упрощенном виде: Ann Norton, *Leo Strauss and the Politics of American Empire*, Yale University Press, New Haven, 2004 (французский перевод: *Leo Strauss et la politique de l'empire américain*, Denoël, Paris, 2006). См. также: Benjamin Barber, «Among the Straussians» // *New York Review of Books*, New York, 14 апреля 1988; Alfons Söllner, «Leo Strauss. German Origin and American Impact» // Peter Kielmansegg, Horst Mewes, Elisabeth Glaser-Schmidt (ed.), *Hannah Arendt and Leo Strauss*, Cambridge, 1995, pp. 121–137; William Pfaff, «The Long Reach of Leo Strauss» // *International Herald Tribune*, New York, 25 мая 2003. Взвешенную оценку см. в статье Эдварда Скидельски: Edward Skidelsky, «No More Heroes» // *Prospect*, London, март 2006, pp. 34–37.

² Alain Franchon, Daniel Vernet, «Le Stratège et le philosophe» // *Le Monde*, Paris, 16 апреля 2003. См. также: Heinrich August Winkler, «Wenn die Macht Recht spricht» // *Die Zeit*, 18 июня 2003 г.

³ См.: Carnes Lord, «Thoughts on Strauss and Our Present Discontents» // Kenneth L. Deutsch, John A. Merley (ed.), *Leo Strauss, the Straussians, and the American Regime*, Rowman & Littlefield, op.cit.; Steven Lenzner, William Kristol, «What Was Leo Strauss Up To?» // *The Public Interest*, Washington, осень 2003.

⁴ См., в частности, анализ Кэрол Уайльдмайер: Carol Wildmaier, «Leo Strauss est-il neoconservateur? L'épreuve des textes» //

Штрауса решительно отвергает идею, будто ее отец мог когда-либо быть «мозгом неоконсервативных идеологов, которые контролируют внешнюю политику США»⁵. Лео Штраус, философ, известный своим антиисторицизмом⁶, в своих книгах никогда не обращался к международным вопросам, да и вообще редко высказывался по актуальным темам. Впрочем, наша цель не в разрешении этого вопроса. Скорее мы хотим оценить то, как начиная с 2003 года развивалась полемика, в которой в контексте обсуждения деятельности неоконсерваторов были тесно связаны имена Лео Штрауса и Карла Шмитта.

Эта полемика, поводом для которой послужила тридцатилетняя годовщина смерти Лео Штрауса, была, по существу, направлена на дискредитацию неоконсервативных кругов, учителем которых якобы как раз и является Штраус, который, как утверждалось, поддерживал взгляды, автором которых считается Шмитт. Общая идея заключалась в том, что Шмитт является «нацистским» мыслителем, а Штраус, как поделник Шмитта, идя по его стопам, распространял те же самые «нацистские» идеи в Америке, тогда как окружение Джорджа Буша, на которое повлияла мысль Штрауса, связывается, таким образом, через его посредство с идеями Шмитта, то есть с нацизмом. Этот карикатурный тезис часто сопровождался чуть ли не конспиративным изображением мысли Штрауса, которая, утверждалось, приводится в движение «эзотерическими» соображениями и вдохновляется стратегиями, нацеленными на то, чтобы поставить рядом с властью более или менее циничных «советников-философов», преследующих тайные цели. Таким образом, Лео Штрауса можно было обвинить в том, что он рекомендует политикам использовать ложь и двуличие, полагая, что истина должна быть доступна только элите, что позволило разоблачить его как «фашиста» (Глен Йеден). В любом случае, речь шла о том, чтобы применить некоторые формы критики, мишенью которой по причине своего компромисса с нацистским режимом (1933–1936 гг.) стал Шмитт, чтобы дискредитировать Лео Штрауса, а через него – и всех его предполагаемых учеников, поскольку всех их теперь можно подозревать в «нацистских» мнениях или практиках.

Этот тезис сначала получил выражение в широкой прессе благодаря нескольким независимым друг от друга авторам⁷, а затем стал развиваться систематически, послужив основа-

Esprit, Paris, ноябрь 2003, pp. 23–38. Уайльдмайер ставит под вопрос то, что мысль Штрауса можно было бы уподобить некоей политической теории или что она является мыслью определенной культуры (например культуры американской демократии). По ее словам, штраусианская этика – «это этика не политики, а мысли», то есть, если говорить точнее, строго философской мысли. Подчеркивая заодно то, что неоконсерваторы употребляют термин «ценности» совершенно не так, как Лео Штраус, она утверждает, что «окрашенные в оптимистические тона мессианизм неоконсерваторов в мысли Штрауса совершенно отсутствует», а «выделение “оси Зла” является по своему смыслу, что бы мы ни думали, абсолютно анти-штраусианским жестом». Она приходит к выводу, что «неоконсервативная интерпретация идей Штрауса вообще не является интерпретацией: речь идет ни больше ни меньше как о предательстве» (p. 36), поскольку «предметом Штрауса является не политика, а философия» (p. 38). См. также: Laurence Berns, «Correcting the Record on Leo Strauss» // *Political Science and Politics*, XXVIII, 4, декабрь 2003, pp. 54–57; Thomas G. West, «Que dirait Leo Strauss de la politique étrangère américaine?» // *Commentaire*, Paris, весна 2004, pp. 71–78; Marc Lilla, «Leo Strauss: The European» // *The New York Review of Books*, New York, 21 октября 2004, pp. 58–60: в этой статье Марк Лилла утверждает, что в окружении Джорджа Буша-младшего меньше «штраусианцев», чем их было в администрации Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего. Стоит посмотреть и две других сравнительно недавних оценки: Heinrich Meier, «Pourquoi Leo Strauss? Heurs et malheurs de lecole pour la vie philosophique» // *Commentaire*, лето 2006, pp. 307–331; и особенно: Daniel Tanguay, «Neoconservatisme et religion démocratique. Leo Strauss et l’Amérique» // *ibid.*, pp. 315–324. Последний автор пишет: «Неправильно было бы считать, будто темы Штрауса были безо всяких изменений перенесены в политический неоконсервативный дискурс. Их политическая адаптация была сложной задачей, потребовавшей существенно перекроить эти темы, что в отдельных случаях привело к искажению их исходного смысла» (p. 317). «Чрезмерная политизация Штрауса его американскими учениками и неоконсерваторами, – добавляет он, – грозит скрыть направление движения мысли Штрауса» (p. 322).

⁵ Jenny Strauss Clay, «The Real Leo Strauss» // *The New York Times*, New York, 7 июня 2003.

⁶ Обсуждение антиисторицизма Штрауса см. в: Claes G. Ryn, «History and the Moral Order» // Francis Canavan (ed.), *The Ethical Dimension of Political Life*, Duke University Press, Durham, 1983; Paul Gottfried, *The Search for Historical Meaning*, Northern Illinois University Press, DeKalb, 1986.

⁷ См.: James Atlas, «A Classicist’s Legacy: New Empire Builders» // *The New York Times*, New York, 4 мая 2003; Seymour Hersh, «Selective Intelligence» // *The New Yorker*, New York, 12 мая 2003. См. также три статьи, появившиеся несколькими годами раньше: Hiram Caton, «Explaining the Nazis. Leo Strauss Today» // *Quadrant*, октябрь 1986, pp. 61–65; Jacob Weisberg, «The Cult

нием для еще более острой полемики в кругах, близких к весьма спорной личности – Линдону Б. Ларушу⁸. Затем его можно было встретить в самых разных контекстах. Особенно примечательна статья бывшего декана факультета политических наук «New School for Social Research» Алена Вольфа «Фашистский философ помогает нам понять современную политику» («A Fascist Philosopher Help Us Understand Contemporary Politics»), вышедшую в 2004 году в издании «The Chronicle of Higher Education». Вольф пишет о том, что для понимания современной политики республиканской партии нужно знать не только Лео Штрауса, но и Карла Шмитта. В статье с удивлением отмечается интерес, проявляемый к мысли Шмитта многими современными авторами, причисляемыми к левым. Затем он заверяет нас в том, что в США «гораздо больше пропитались шмиттовской концепцией консервативные политики, а не либералы», а «шмиттовский способ мыслить политику покорил современный *Zeitgeist*, в лоне которого расцвел республиканский консерватизм»⁹.

Ссылаясь, со своей стороны, на комментарии к книге Карла Шмитта «Понятие политического», составленные Лео Штраусом в начале тридцатых годов, Анн Нортон пишет: «Штраус – более чем благожелательный читатель “Понятия политического”. Как полагал сам Шмитт, Штраус понял эту книгу лучше всех остальных, возможно даже лучше, чем ее понимал сам автор. В своей работе последний впоследствии использовал интерпретации этой книги, предложенные Штраусом. А Штраус включит отдельные составляющие работы Шмитта в собственную критику либерализма»¹⁰. Шадиа Б. Друри также представляет Лео Штрауса в качестве того, кто якобы «радикализировал» (sic!) тезисы Шмитта¹¹. Себастьян Фат, рассуждая о Лео Штраусе, также упоминает «его профессора и единомышленника Карла Шмитта»¹². Стэнфорд В. Левинсон, профессор Университета Техаса уверяет, что Карл Шмитт – подлинный вдохновитель политики администрации Буша¹³. Можно было бы привести множество других примеров.

Все эти утверждения, наводящие на мысль, что Шмитт и Штраус, по сути, думали совершенно одинаково, так что Шмитт сегодня – это «тайный учитель» Белого дома, стремятся лишь перешеголять друг друга в броскости и одновременно неправдоподобии. Их озвучи-

of Leo Strauss. An Obscure Philosopher's Washington Disciple» // *Newsweek*, 3 августа 1987; Brent Staples, «Undemocratic Vistas: The Sinister Vogue of Leo Strauss» // *The New York Times*, 28 ноября 1994.

⁸ Чтобы успешнее «нацифицировать» американские неоконсервативные круги (применяя тот самый метод, который Лео Штраус называл «*reductio ad hitlerum*», «редукцией к Гитлеру»), сторонники Ларуша не брезговали самыми экстравагантными заявлениями, выбирая порой не просто оскорбительные, но и прямо бредовые выражения. Так, Барбара Бойд в тексте под названием «Карл Шмитт, серый кардинал Дика Чейни» (Barbara Boyd, «Carl Schmitt, Dick Cheney's Eminence Grise» // *Executive Intelligence Review*, 6 января 2006) представляет Карла Шмитта как теоретика «абсолютного врага» и автора книг, продвижение которых было якобы организовано «бандой банкиров-заговорщиков». Она утверждает, что «тесные отношения между Карлом Шмиттом и Лео Штраусом [...] наводят на ту мысль, что поддержка Диком Чейни *Führerprinzip'a* – не совпадение» (sic), а «произведения Шмитта оказались весьма полезными для грязной работы, проведенной в 1970 годах Джорджем Шульцем и Генри Киссинджером, свергнувшими правительство Альенде в Чили!» В другом тексте, опубликованном несколькими месяцами ранее («Leo Strauss y Carl Schmitt, el jurista de Hitler» // *EIR – Resumen ejecutivo*, март 2005), она вполне серьезно утверждала, что работы Шмитта «в значительной степени финансировались на международном уровне штраусианцами Фонда Линда и Гарри Брэдли». Называя Карла Шмитта одновременно «интеллектуальным крестным отцом Штрауса» и «Ганнибалом Лектером современной политики» (sic), она дошла до того, чтобы характеризовать Александра Кожева в качестве «идеолога всемирного фашизма». Первый текст Барбары Бойд был перепечатан в брошюре, опубликованной в январе 2006 года (и нацеленной на то, чтобы оспорить назначение Сэмюэля Алито в Верховный суд): *Cheney's «Schmittlerian» Drive for Dictatorship. Children of Satan IV*, Lyndon LaRouche PAC, Leesburg, 2006. В своем издании «Executive Intelligence Review» Линдон Б. Ларуш сам утверждает, что Дик Чейни и Пол Вольфовиц – «фашисты», а «Штраус с Кожевым открыто защищали ту же фашистскую философию, что и Карл Шмитт, учитель Штрауса», и т. д.

⁹ *The Chronicle of Higher Education*, Washington, 2 апреля 2004.

¹⁰ *Leo Strauss et la politique de l'empire américain*, op. cit., pp. 49–50. Критику книги Анн Нортон см. в: Peter Berkowitz, *New York Post Online Edition*, 3 октября 2004. Как и многие другие авторы, Берковиц нашел в этой книге много фактических ошибок. Она также подчеркивает ее поверхностность и неспособность автора доказать выдвигаемые тезисы.

¹¹ *Leo Strauss and the American Right*, op. cit., pp. 65–97 («Strauss's German Connection: Schmitt und Heidegger»).

¹² Sebastien Fath, *Dieu benisse l'Amérique. La religion de la Maison-Blanche*, Seuil, Paris, 2004, p. 206.

¹³ *Daedalus*, лето 2004.

вают авторы, которые подчас знакомы с мыслью Штрауса весьма и весьма поверхностно, а мысль Шмитта, похоже, не знают вовсе¹⁴. Прежде всего, ничто не доказывает, что произведения Шмитта когда-либо действительно читались в американских неоконсервативных кругах¹⁵. Ален Вольф и другие авторы совершают весьма типичную ошибку, чреватую множеством последствий: они считают, что, раз Карл Шмитт всю жизнь критиковал либерализм, значит неоконсерваторы могли бы вполне естественным образом поддержать эту критику и воспользоваться ею. Но нельзя забывать о том, что термин «либерализм» в Европе и в США имеет совершенно разное, если не противоположное, значение. То, что европейцы называют «либерализмом», на самом деле намного ближе к тому, что в Америке считают «консерватизмом», а не к тому, что там обозначают термином «либерализм». Для Шмитта, как и для большинства других авторов континентальной Европы, «консерватизм» предполагает поддержку государства и пессимистическую концепцию человеческой природы, тогда как «либерализм» определяется верой в прогресс, поддержкой идеологии прав человека, доверием к системе свободной торговли, убежденностью в превосходстве рынка, индивидуалистическим подходом к социальности и т. д. (все это Шмитт критикует). С европейской точки зрения, крупнейшими теоретиками либерализма являются Джон Локк и Адам Смит, а наиболее либеральные современные политики – это Рональд Рейган, Маргарет Тэтчер и... Джордж Буш. Иными словами, в Европе «либеральное» противопоставляется «социальному», тогда как в США «либералы» – это, напротив, те, кто поддерживают социальную деятельность государства. Поэтому, когда Ален Вольф, к примеру, пишет, что «важнейший урок, преподаваемый нам Шмиттом, состоит в том, что различие между консерваторами и либералами относится не только к тем политическим курсам, которые они рекомендуют использовать, но и к самому смыслу политики. ведь либералы видят в политике средство, а консерваторы – цель»¹⁶, он вводит читателей в серьезное заблуждение (одновременно доказывая, что ничего не понял в Шмитте). Ту же самую ошибку допускает Анн Нортон, когда пишет: «Лео Штраус присоединился к Карлу Шмитту и Александру Кожеву в их критике либерализма и либеральных институтов»¹⁷, предполагая, что

¹⁴ Себастьян Фат не без оснований пишет, что «президент Буш-мл. сам, вероятно, не прочел ни строчки из Штрауса» (op.cit., p. 219). Не слишком боясь ошибиться, можно предположить, что он также не прочел ни одной строчки Карла Шмитта. Питер Серк, в свою очередь отмечает, что было бы явной ошибкой предполагать, что, «если кто-то приводит аргументы, аналогичные шмиттовским, значит Шмитт на него оказал влияние напрямую или косвенно, пусть даже какими-то сложными, неявными или заговорщицкими путями» (Peter Sirk, *Carl Schmitt, Crown jurist of the Third Reich. On Preemptive War, Military Occupation, and World Empire*, Edwin Mellen Press, Lewiston, 2005, p. 35). К тем же выводам приходит Шанталь Муфф (Chantal Mouffe, *One the Political*, Routledge, Abingdon, 2005, pp. 77–80). См. также: Linda S. Bishai, Andreas Behnke, *War, Violence, and the Displacement of Political*, Townson University, Townson [Maryland], 2005; James O'Connor, *Exceptions, Distinctions, and Processes of Identification: The "Concrete Thought" of Carl Schmitt and US Neoconservatism as Seen through Readings of Kenneth Burke and Jacques Derrida*, диссертация, Helsinki University, Helsinki, 2006.

¹⁵ Напомним, что работы Карла Шмитта были переведены на английский сравнительно недавно. Вот список в хронологическом порядке: *The Concept of the Political*, Rutgers University Press, New Brunswick, 1976 (2 ed.: University of Chicago Press, Chicago, 1996); *Political Theology. Four Chapters on the Concept of Sovereignty*, MIT Press, Cambridge, 1985 (2 ed.: University of Chicago Press, Chicago, 2005); *The Crisis of Parliamentary Democracy*, MIT Press, Cambridge, 1985; *Political Romanticism*, MIT Press, Cambridge, 1986; «The Plight of European Jurisprudence» // *Telos*, New York, 83, лето 1990, pp. 35–70; *The Leviathan in the State of Thomas Hobbes. Meaning and Failure of a Political Symbol*, Greenwood Press, Westport, 1996; *Roman Catholicism and Political Form*, Greenwood Press, Westport, 1996; *The Tyranny of Values*, Plutarch Press, Washington, 1996; *Land and Sea*, Plutarch Press, Washington, 1997; *State, Movement, People. The Triadic Structure of the Political Unity*, Plutarch Press, Corvallis, 2001; *The «Nomos» of the Earth in the International Law of the «Jus Publicum Europaeum»*, Telos Press, New York, 2003; *Legality and Legitimacy*, Duke University Press, Durham, 2004; *On the Three Types of Juristic Thought*, Praeger Publ., Westport, 2004; «Theory of the Partisan. Intermediate Commentary on the Concept of the Political» // *Telos*, New York, 127, весна 2004, pp. 11–78 (другой англ. перевод: «Theory of the Partisan. A Commentary / Remark on the Concept of the Political» // *The New Centennial Review*, East Lansing [Michigan], IV, 2004, 3); *War/Nonwar? A Dilemma*, Plutarch Press, Corvallis, 2005. С другой стороны, известно, что определенная часть англосаксонских «шмиттеанцев» относится к левому лагерю, о чем свидетельствуют статьи в нью-йоркском журнале «Telos» (основанном в шестидесятых годах американскими учениками Теодора В. Адорно и Макса Хоркхаймера, основоположников Франкфуртской школы), а также работы таких авторов, как Джозеф У Бендерски, Эллен Кеннеди, Гэри Л. Ульмен, Шанталь Муфф, Гопал Балакришнан и др.

¹⁶ Art. cit.

¹⁷ Op. cit., p. 115.

эти авторы боролись с идеологией, которую американцы располагают на левой стороне политической шахматной доски, тогда как в Европе она расположена справа. Совершенно справедливо замечания Фрэнсиса Фукуямы – «[американские] неоконсерваторы вовсе не хотят защищать тот порядок, который основан на иерархии, традиции и пессимистическом понимании человеческой природы»¹⁸, – достаточно, чтобы констатировать их отличие от направления мысли Карла Шмитта, для которого, повторим, «пессимистическая» концепция человеческой природы оказывается одним из краеугольных камней его системы.

Шмитт, на самом деле, настолько далек от «консерватизма» в американском смысле этого термина, что даже ставит понятие частной собственности в центр той «морально-экономической полярности», которую он специально разоблачает, поскольку, по его мысли, она наиболее чужда сущности политики. Он пишет: «Все либеральные понятия характерным образом движутся между моралью (духом) и экономикой (делами), поэтому, проистекая из этих двух противоположных полюсов, они стремятся уничтожить политическое [...] Центр сферы занят понятием частной собственности, всего лишь антиномичными проявлениями которого являются эти полюса – этическое и экономическое»¹⁹. Следовательно, наиболее благоприятный вывод, к которому можно прийти, состоял бы в том, что Анн Нортон и сама не прочла ни строчки из Карла Шмитта²⁰.

Какие в действительности были отношения между Лео Штраусом и Карлом Шмиттом? Документов по этому вопросу немного, а их связь всегда была скорее напряженной. К тому же, она ограничена небольшим промежутком времени. В 1932 году Штраус стал одним из первых комментаторов второго издания книги Шмитта о понятии политического²¹. В этом комментарии не было никакого безоговорочного одобрения. Речь, напротив, шла о критической оценке, пусть даже эта критика была выражена в предельно вежливой форме. В своем комментарии²²

¹⁸ *The Wall Street Journal*, New York, 24 сентября 2002.

¹⁹ Carl Schmitt, *La notion de politique*, Flammarion, Paris, 1992, p. 116.

²⁰ Это можно заметить и на стр. 155, где она представляет Шмитта в виде некоего апологета военных ценностей (или военной концепции жизни), что прямо противоположно его мысли. Она пишет: «С точки зрения Карла Шмитта, как и некоторых учеников Лео Штрауса, война представляется той деятельностью, которая наделяет жизнь серьезностью [...] В равной мере война способна возродить добродетель. Без войны легко утратить героизм и смелость, мужество и самоотверженность» и т. д. В действительности, все обстоит прямо противоположным образом. Например, Шмитт полностью отвергает взгляды молодого Эрнста Юнгера, его «агонистическую» концепцию существования, его эстетическое – в какой-то мере – восприятие войны. С точки зрения Шмитта, война не обладает никакой внутренней ценностью. Она – лишь средство достижения определенной политической цели или восстановления мира.

²¹ Carl Schmitt, *Der Begriff des Politischen. Mit einer Rede über das Zeitalter der Neutralisierung und Entpolitisierungen*, Duncker u. Humblot, München-Leipzig, 1932. Речь идет о пересмотренном издании. Первое издание датируется 1928 годом, а ему предшествовал первый вариант с текстом лекции, прочитанной в Берлине 10 мая 1927 года (*Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, LVIII, 1 сентября 1927, pp. 1-33).

²² Leo Strauss, «Anmerkungen zu Carl Schmitt, "Der Begriff des Politischen" (1932)» // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Tübingen, LXVII, 6, август-сентябрь 1932, pp. 732–749; текст включен в книгу: Leo Strauss, *Hobbes' politische Wissenschaft* (Luchterhand, Neuwied, 1965, pp. 161–181, последнее издание: *Hobbes' politische Wissenschaft und zugehörige Schriften – Briefe [=Gesammelte Schriften]*, vol. 3], J.-B. Metzler, Stuttgart-Weimar, 2001, pp. 217–242), а также в книгу Гейнриха Майера (см. сноску 23). Английский текст «Comments on Carl Schmitt's "Der Begriff des Politischen"» был включен в издание: Leo Strauss, *Spinoza's Critique of Religion*, Schocken Books, New York, 1965, pp. 331–351, а затем в: Leo Strauss, *An Introduction to Political Philosophy*, Wayne State University Press, Detroit, 1989. Можно отметить, что предлагаемое Штраусом прочтение книги Шмитта существенно отличается от того прочтения, которое в те же годы в своей диссертации по международному праву «Понятие политического и теория международных распрей» предложил Ганс Моргентау (Hans Morgenthau, *La notion du politique et la théorie des différends internationaux*, Librairie du recueil Sirey, Geneve, 1933). По этому вопросу см.: Hans-Karl Pichler, «The Weberian Legacy. The Godfathers of "Truth": Max Weber and Carl Schmitt in Morgenthau's Theory of Power Politics» // *Review of International Studies*, Cambridge, XXIV, 2, апрель 1998, pp. 185–200. Martti Koskenniemi, «Carl Schmitt, Hans Morgenthau, and the Image of Law in International Relations» // Michael Byers (ed.), *The Role of Law in International Politics. Essays on International Relations and International Law*, Oxford University Press, Oxford, 2000, pp. 17–34 (этот текст затем был переработан и под заглавием «Out of Europe: Carl Schmitt, Hans Morgenthau, and the Turn to "International Relations"» вошел в издание: Martti Koskenniemi, *The Gentle Civiliser of Nations. The Rise and Fall of International Law 1870–1960*, Cambridge University Press, Cambridge, 2001, pp. 413509.

Штраус упрекает Шмитта в том, что тот остается «в рамках либерализма» именно тогда, когда претендует на его радикальную критику, а также в непонимании того, что именно Гоббс – с его точки зрения, самый главный *антиполитический* мыслитель – «зложил основания либерализма», что обусловлено не чем иным, как индивидуалистическими посылами его учения. Впрочем, он дает понять, что истинные основания позиции Шмитта по отношению к либерализму связаны с его католицизмом. Эти замечания заставляют Карла Шмитта переписать некоторые части книги²³. В последнем издании он признает, что решил переформулировать некоторые из своих понятий и внести исправления под влиянием критики, высказанной Лео Штраусом, которого он, впрочем, числит всего лишь «внимательным читателем» своих произведений²⁴.

В том же самом 1932 году Карл Шмитт написал письмо, рекомендуемое Лео Штраусу к получению стипендии (fellowship) в «Фонде Рокфеллера», – эта стипендия позволила ему продолжить образование во Франции и в Англии, пока он не эмигрировал окончательно в 1937 году в США (где начиная с 1949 года стал преподавать политическую философию в Чикагском университете). Известно, что Гейнрих Майер опубликовал текст трех писем, направленных Шмитту Лео Штраусом в период между 13 марта 1932 года и 10 июлем 1933 года. В первом из них Штраус благодарит Карла Шмитта за оказанную ему помощь, ограничиваясь вежливым выражением уважения к его трудам, и это, разумеется, самое меньшее, что он мог сделать для того, кому он был тогда столь многим обязан. Во втором письме, датированном 4 сентября 1932 года, он уточняет критические положения, вошедшие в его статью. В третьем он спрашивает Шмитта о проекте критического издания произведений Гоббса, в котором он, по его словам, хотел бы участвовать. Этот проект так и не был начат. Шмитт не ответил на последнее из этих писем, и у нас нет текста его ответа на два других, если даже предполагать, что на них он отвечал. Ни о какой иной переписке двух этих людей не известно, хотя и возможно, что Штраус писал еще один раз Шмитту в 1934 году. Отношения Лео Штрауса и Карла Шмитта не получили особого развития. Карл Шмитт, который в 1932–1933 годах мог быть знаком только с первой частью работы Штрауса о Гоббсе, а также с его критикой Спинозы, вышедшей в 1931 году, ограничится тем, что укажет его имя в своей книге о «Левиафане», выпущенной в 1938 году²⁵. Тогда как Штраус впоследствии вообще не опубликует ни одного текста о Шмитте²⁶.

²³ Третье издание «Der Begriff des Politischen» вышло в свет в 1933 году. Версия 1932 года была переиздана в 1963 году с предисловием и тремя дополнительными «корроляриями». Именно эта версия потом постоянно переиздавалась (13-е издание вышло в 2002 году). Различные версии произведения, так же как текст Штрауса, стали предметом исчерпывающего исследования, проведенного Гейнрихом Майером (Heinrich Meier, *Carl Schmitt, Leo Strauss und der "Begriff des Politischen". Zu einem Dialog unter Abwesenden. Mit Leo Strauss Aufsatz über den "Begriff des Politischen" und drei unveröffentlichten Briefen an Carl Schmitts aus den Jahren 1932-33*, J.-B. Metzler, Stuttgart, 1998, второе дополненное издание: J.-B. Metzler, Stuttgart-Weimar, 1998; французский перевод: *Carl Schmitt, Leo Strauss et la notion de politique. Un dialogue entre absents. Suivi du commentaire de Leo Strauss sur "La notion de politique" et de trois lettres inédites à Carl Schmitt des années 1932-33*, Julliard-Commentaire, Paris, 1990; английский перевод: *Carl Schmitt and Leo Strauss. The Hidden Dialogue. Including Strauss's Notes on Schmitt's "Concept of the Political" and Three Letters from Strauss to Schmitt*, University of Chicago Press, Chicago, 1995). Помимо текста Лео Штрауса в книгу включены три ранее не издававшихся письма, адресованных Карлу Шмитту в 1932–1933 гг. Во Франции помимо версии, включенной в книгу Гейнриха Майера, текст Штрауса известен также в переводе Жана-Луи Шлегеля, который был издан в виде приложения к работе: Carl Schmitt, *Parlementarisme et démocratie* (Seuil, Paris, 1988, pp. 187–214).

²⁴ *La notion de politique*, op. cit., pp. 183, 186.

²⁵ *Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Sinn und Fehlschlag eines politischen Symbols*, Hanseatische Verlagsgesellschaft, Hamburg, 1938 (последнее издание: Hohenheim, Köln-Lövenich, 1982, см. pp. 20–21; фр. перевод: *Le Leviathan dans la doctrine de l'Etat de Thomas Hobbes. Sens et échec d'un symbole politique*, Seuil, Paris, 2002). (Русский перевод: Карл Шмитт. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006.)

²⁶ Об отношениях между Шмиттом и Штраусом см.: Paul Gottfried, «Schmitt and Strauss» // *Telos*, New York, 96, лето 1993, pp. 167–176; John P McCormick, «Fear, Technology, and the State. Carl Schmitt, Leo Strauss and the Revival of Hobbes in Weimar and National Socialist Germany» // *Political Theory*, XXII, 1994, 2, pp. 619–652; Robert Howse, «From Legitimacy to Dictatorship – and Back Again. Leo Strauss's Critique of the Anti-Liberalism of Carl-Schmitt» // David Dyzenhaus (ed.), *Carl Schmitt's Challenge to Liberalism*, специальный номер *The Canadian Journal of Law and Jurisprudence*, London [Ontario], X, 1, январь 1997, pp. 77–104, текст включен в издание: David Dyzenhaus (ed.), *Law as Politics, Carl Schmitt's Critique of Liberalism*, Duke University Press, Durham, 1998, pp. 56–90; а также Robert Howse, «The Use and Abuse of Leo Strauss in the Schmitt Revival

Здесь мы не будем специально рассматривать содержание политической философии Лео Штрауса. Скажем только, что достаточно прочесть его труды, чтобы отметить, что они радикально расходятся с Карлом Шмиттом. Впрочем, Гейнрих Майер – один из тех, кто убедительно доказали полную несовместимость политической *теологии* Шмитта и политической *философии* Штрауса: «*Inter auctoritatem et philosophiam nihil est medium*». «Невозможно, – пишет он, – перекинуть мост через пропасть, отделяющую политическую теологию от политической философии; она разделяет Карла Шмитта и Лео Штрауса даже там, где у обоих, кажется, одинаковые политические позиции, и там, где они на самом деле сходятся в политической критике общего противника»²⁷. Он также напоминает: «Хотя политика занимает центральное место в мысли Лео Штрауса, вопрос врага и враждебности для него практически не имеет значения», что в полной мере доказывает ошибочность интерпретаций, приписывающих Штраусу образ мыслей, руководствующийся идеей вражды²⁸. Итак, говоря словами Гейнриха Майера, между двумя мыслителями проходит пропасть. Соответственно, мы можем оценить, насколько несерьезны те авторы, которые сегодня пытаются увидеть в Лео Штраусе продолжателя и ученика шмиттовской мысли.

Тезис о том влиянии, которое Карл Шмитт оказал на американских неоконсерваторов через Лео Штрауса, – не более, чем сказка. Но при этом нельзя не признать бесспорную актуальность мысли Шмитта, которую отмечают многие наблюдатели, особенно после терактов 11 сентября 2001 года, и которая в последние годы неизменно подтверждалась как международной жизнью, так и некоторыми инициативами американского правительства. В этом эссе мы будем исследовать основные пункты этой актуальности.

on the German Right – The Case of Heinrich Meier» (неопубликованный текст); Eduardo Hernando Nieto, «*Teologia politica o filosofia politica? La amistosa conversacion entre Carl Schmitt y Leo Strauss*» // Jorge E. Dotti, Julio Pinto (ed.), *Carl Schmitt. Su epoca y su pensamiento*, Eudeba, Buenos Aires, 2002, pp. 189–209; Claudia Hilb, «Mas alla del liberalismo. Notas sobre las “Anmerkungen” de Leo Strauss al “Concepto de lo politico” de Carl Schmitt» // *ibid.*, pp. 211–227; Miguel E. Vatter, «Strauss and Schmitt as Readers of Hobbes and Spinoza. On The Relation between Political Theology and Liberalism» // *CR: The New Centennial Review*, East Lansing, IV, зима 2004, pp. 161–214; Carlo Altini, *La Storia della filosofia come filosofia politica. Carl Schmitt et Leo Strauss lettori di Thomas Hobbes*, ETS, Pisa, 2004; D. Janssens, «A Change of Orientation: Leo Strauss’s “Comments” on Carl Schmitt Revised» // *Interpretation*, XXXIII, 2005, 1, pp. 93–104; Reinhard Mehring, «Carl Schmitt, Leo Strauss, Thomas Hobbes and die Philosophie» // *Philosophisches Jahrbuch*, Freiburg i. Br., CXII, 2005, 2, pp. 380–394; Walter Schmidt, «Politische Théologie III. Anmerkungen zu Carl Schmitt und Leo Strauss» // Charlotte Gaitanides (Hrsg.), *Europa und seine Verfassung. Festschrift für Manfred Zuleeg zum siebzigsten Geburtstag*, Nomos, Baden-Baden, 2005, S. 1534; Jianhong Chen, *Between Politics and Philosophy. A Study of Leo Strauss in Dialogue with Carl Schmitt*, докторская диссертация, *Université catholique de Louvain*, Louvain-la-Neuve, 2006. См. также: John Gunnell, «Strauss Before Straussianism. The Weimar Conversation» // *Review of Politics*, LII, 1, зима 1990. В диалоге, опубликованном ежедневником «La Repubblica» («Il filosofo e la politica», 24 марта 2005, р. 55) Альтини также напоминает о том, что Штраус попрекал Шмитта в том, что тот «был непоследователен» в своей критике либерализма, а кроме того, «предлагал идеологическое прочтение Гоббса». В частности он также уточняет, что «Штраус никогда не считал, будто князь нуждается в советнике-философе». Пол Готфрид пишет: «Короче говоря, во всех опубликованных документах по отношениям Шмитта и Штрауса нет ни одного, который указывал бы на ту роль, которую последний впоследствии сыграет в основании школы, члены которой сегодня стали общепланетарными миссионерами американской “либеральной демократии”» (art. cit., p. 173). Профессоры Хайнц Дитер Китстейнер и Михаэль Минкенберг с 14 апреля по 14 июля 2005 года проводили в Европейском Университете Виадрины (во Франкфурте-на-Одере) мастер-класс под названием «Карл Шмитт, Лео Штраус и американский неоконсерватизм».

²⁷ *Carl Schmitt, Leo Strauss et la notion de politique*, op. cit., p. 71. См. также: Benjamin Sax, «The Distinction Between Political Theology and Political Philosophy» // *The European Legacy*, август 2002, pp. 499–502. Из работ Гейнриха Майера, являющегося также руководителем издания полного собрания сочинений Лео Штрауса в Германии, стоит указать также следующие: Heinrich Meier, *Die Denkbewegung von Leo Strauss. Die Geschichte der Philosophie und die Intention des Philosophen*, J.-B. Metzler, Stuttgart-Weimar, 1996; *Das theologisch-politische Problem. Zum Thema Leo Strauss*, J.-B. Metzler, Stuttgart, 2003 (английский перевод: *Leo Strauss and the Theological-Political Problem*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006; французский перевод: *Leo Strauss. Le Probleme theologico-politique*, Bayard, Paris, 2006). О Лео Штраусе см. также: Daniel Tanguay, *Leo Strauss. Une Biographie intellectuelle*, Grasset, Paris, 2003; Park Sung-rae, *Leo Strauss*, Gimm-Young, Seoul, 2005.

²⁸ *Ibid.*, p. 120. Кэрл Уайльмайер также подчеркивает, что «Лео Штраус – это не Карл Шмитт: антагонизм друга/врага не определяет [по Штраусу] политического отношения» (art. cit., p. 35).

От «регулярной войны» к возвращению «справедливой войны»

«Прежде всего, у государственных мужей должна быть способность отличать друзей от врагов», – пишет Ирвинг Кристол, один из главных американских неоконсерваторов, в газете своего сына Уильяма «The Weekly Standard»²⁹. Карл Шмитт, очевидно, признал бы справедливость этого тезиса – и в его дескриптивной части, и в нормативной. По его мнению, сама сущность политического состоит не столько в фактической враждебности, сколько в возможности различения или определения (публичного) друга и (публичного) врага, то есть не в борьбе, а в возможности борьбы. Другими словами, политика предполагает конфликтность: строго пацифистский взгляд на социальную жизнь является *аполитичным*. Поэтому недостаточная определенность врага в политике оказывается одной из наибольших опасностей.

Впрочем, Шмитт не подписывается под известной формулой Клаузевица, гласящей, что война – не более, чем продолжение политики другими средствами. Напротив, как он подчеркивает, эта дифиниция «для того, кто пытается определить природу политики, не исчерпывает значение войны»³⁰. Сама война, как и исключительное положение, о котором мы будем говорить далее, является предельным понятием (*Grenzbegriff*). Она, несомненно, продолжает политическое, поскольку последнее предполагает враждебность, но не сводится к нему, поскольку обладает собственной сущностью. Шмитт, в действительности, напоминает о том, что если у войны есть своя оптика и собственные правила, они «предполагают, что политическое решение, указывающее на врага, уже состоялось как факт»³¹. Утверждая, что политика даже в мирное время обладает конфликтными свойствами, Шмитт занимает позицию, близкую к взглядам Клаузевица, но не смешивающуюся с ними; скорее, она должна дополнить их и превзойти. Клаузевиц видит то, что есть в войне от политики, а Шмитт – то, что в политике есть от конфликта.

Шмитт разрабатывает политическую концепцию враждебности. Враг, по его мнению, должен рассматриваться политически: он должен оставаться *политическим* врагом, то есть противником, с которым сражаются, но с которым при этом однажды можно будет заключить мир. В оптике «*jus publicum europaeum*»^{32*} мир, очевидно, остается целью войны: любая война приходит к естественной развязке – к заключению мирного договора. А поскольку только с врагом можно заключить мир, постольку воюющие стороны *взаимно признают друг друга*. Подобное признание (Другого – одновременно в его тождественности и отличии) является самым условием возможности мира, так как к заключению мира можно пригласить только ту воюющую сторону, которая была предварительно признана. Именно это позволяет Шмитту утверждать, что абсолютная или тотальная война была бы, со строго политической точки зрения, катастрофичной, что в той мере, в какой она стремится уничтожить врага, она приводит к исчезновению основополагающего элемента политического³³.

О «регулярной войне», характерной для вестфальского порядка, основанного на «*jus publicum europaeum*», заменившем, в свою очередь, старую «*respublica christiana*», Карл Шмитт

²⁹ «The Neoconservative Persuasion» // *The Weekly Standard*, 25 августа 2003.

³⁰ Carl Schmitt, *La notion de politique*, op. cit., p. 197. См. также: Carl Schmitt, «Clausewitz als politischer Denker. Bemerkungen und Hinweise» // *Der Staat*, Berlin, VI, 1967, 4, pp. 479–502.

³¹ Ibid., p. 72.

³² «*jus publicum europaeum*» (лат.) – «публичное европейское право», руководившее ранее международными отношениями в Европе; одно из основных понятий анализа Шмитта. – Прим. перевод.

³³ См.: Mika Ojakangas, *A Philosophy of Concrete Life. Carl Schmitt and the Political Life of Late Modernity*, SoPhil, Jyväskylä, 2004, pp. 71–72.

говорит, что это та война, в которой воюющие стороны «и в войне уважают друг друга как противников и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, в результате чего заключение мира возможно, более того, оказывается нормальным, само собой разумеющимся окончанием войны»³⁴

³⁴ Carl Schmitt, *Théorie du partisan // La notion de politique – Théorie du partisan*, Calmann-Lévy, Paris, 1972, 2e ed.: Flammarion, Paris, 1992, p. 212. (Русский перевод: Карл Шмитт. Теория партизана. М.: Прогресс. 2007. С. 20. – Далее цитаты из «Теории партизана» К.Шмитта приводятся по этому изданию).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.